

Когда распахнулись захваченные мною ворота, на своих могучих totax въехали пятьдесят тарков с самим Тарс Таркасом во главе. Я повел их к дворцовым стенам, с которыми легко справился без посторонней помощи. Но, когда я очутился внутри, мне пришлось долго возиться с воротами, пока они повернулись на своих тяжелых петлях, и мой славный эскорт поскакал по садам джеджака Зоданги.

Когда мы приблизились к дворцу, я заглянул через большие окна первого этажа в ослепительно освещенный приемный зал Тзэн Козиса. Огромное помещение было полно придворными с их женами, как будто там происходило что-то особенно торжественное. Снаружи не было видно ни одного стража. Это объяснилось тем, что городские и дворцовые стены считались неприступными, и это дало мне смелость приблизиться к самому окну.

На одном конце зала, на массивных, усыпанных бриллиантами золотых тронах, восседали Тзэн Козис и его супруга, окруженные офицерами и высшими сановниками.

Перед ними находилось широкое свободное пространство, охраняемое двумя шпалерами солдат и, как раз в эту минуту с дальнего конца зала вступила процессия, приблизившаяся к подножию трона.

Впереди шли четыре офицера гвардии джеджака и несли на пурпурной подушке большую золотую цепь с браслетами и замками по концам. Вслед за офицерами четыре других несли роскошные регалии принца и принцессы царствующего дома Зоданги.

У подножия трона две группы разделились и остановились лицом друг к другу с двух сторон свободного пространства. Затем прошли другие сановники, гвардейские и армейские офицеры, и, наконец, две фигуры, настолько закутанные в пурпурные шелка, что их лиц нельзя было различить. Обе остановились перед троном, лицом к Тзэн Козису. Когда в зал вступил хвост процессии и все расположились по своим местам, Тзэн Козис обратился к стоящей перед ним паре.

Я не слышал его слов, но вот два офицера выступили вперед, откинув пурпурное покрывало с одной из фигур, и я увидел, что миссия Кантос Кана не удалась – передо мной стоял Саб Тзэн, принц Зоданги.

Тзэн взял с подушки одну из золотых цепей и, надев ее золотой браслет на шею своему сыну, защелкнул замок. Произнес еще несколько слов, обращенных к Саб Тзэну, он повернулся ко второй фигуре, с которой офицеры снимали окутывающие ее шелка. Я, догадался, что здесь происходит, увидел перед своими глазами Дею Торис, принцессу Гелиума.

Цель церемонии была для меня ясна. Еще минута, и Дея Торис была бы навеки соединена с принцем Зоданги. Несомненно, это была великолепная и внушительная церемония, но мне она казалась самым отвратительным зрелищем, при котором я когда-либо присутствовал. когда регалии были прикреплены к ее стройной фигуре, и предназначенный для нее золотой ошейник был уже в руках Тзэна Козиса, я занес над головой свой длинный меч, могучим ударом разбил стекло огромного окна и спрыгнул в самую гущу пораженной толпы. Одним прыжком я очутился на ступеньках возвышения рядом с Тзэн Козисом, и пока он стоял, окаменев от изумления, мой меч опустился на золотую цепь, которая готова была сковать Дею Торис с другим.

В один миг все смешалось. Тысячи обнаженных мечей угрожали мне со всех сторон, а Саб Тзэн бросился на меня с украшенным камнями кинжалом, который он выхватил из-за пояса своих свадебных облачений. Я мог бы убить его, как муху, но вековой обычай Мусраба остановил

меня, схватив его руку выше кисти в тот миг, когда он замахнулся кинжалом, я сжал его, как в тисках, и острием своего меча показал на дальний конец зала.

– Зоданга пала! – закричал я. – Глядите!

Все повернулись в указанном мною направлении, а там ворвавшиеся через порталы входа въезжали в зал на своих гигантских тоттах Тарс Таркас и его пятьдесят воинов. Крик недоумения и тревоги вырвался из груди собравшихся, но это не был крик страха, миг и солдаты Зоданги бросились навстречу наступающим таркам.

Столкнув Саб Тзэна с возвышения, я привлек Дею Торис к себе. За тронном открывался узкий проход, на пути с обнаженным мечом стоял Тзэн Козис. Мы схватились с ним, и я нашел в нем недюжинного противника.

Пока мы бились на широком возвышении, я увидел поднимающегося по ступенькам Саба Тзэна, спешившего на помощь к отцу. Когда он уже занес руку для удара, Дея Торис бросилась между нами, а мой меч как раз нашел на теле Тзэн Козиса ту точку, которой сделало Саб Тзэна джеддаком Зоданги. Видя отца мертвым, новый джеддак оттолкнул от себя Дею Торис и снова мы оказались лицом к лицу. К Сабу Тзэну присоединились четыре офицера и, прислонившись спиной к одному из золотых тронов, я продолжал сражаться за Дею Торис. Мне было очень трудно защищаться так, чтобы не задеть Саба Тзэна, так как, убив его, я лишился бы последнего шанса овладеть любимой женщиной. Мой клинок мелькал, как молния, отражая удары моих противников. Двух я обезоружил, но другие спешили выручить своего нового правителя и отомстить за смерть старого.

Когда они приблизились, слышались крики: «Убейте женщину! Убейте женщину! Это дело ее рук! Убейте ее!».

Крикнув Дею Торис, чтобы она держалась за мной, я прокладывал себе дорогу к узкому проходу за тронном, но офицеры разгадали мое намерение, и трое из них прыгнули мне в тыл и лишили меня возможности добраться до такого места, где я мог бы с успехом защищать Дею Торис от их мечей.

Тарки были слишком заняты в середине зала, я уже чувствовал, что только чудо может спасти Дею Торис и меня, как вдруг я увидел Тарс Таркаса, пробивающегося сквозь толпу облепивших его пигмеев. Каждым взмахом своего огромного меча он укладывал десятки врагов и расчищал дорогу перед собой, пока не добрался до возвышения и не очутился возле меня, сея направо и налево смерть и гибель.

Храбрость воинов Зоданги была достойна уважения. Никто из них не пытался спастись бегством, и битва окончилась лишь тогда, когда кроме Деи Торис и меня во всем зале остались в живых только тарки.

Саб Тзэн лежал мертвый рядом со своим отцом, и цвет зодангской знати покрывал своими телами место кровавой бойни.

Когда битва окончилась, моя первая мысль была о Кантос Кане, и, оставив Дею Торис на попечении Тарс Таркаса, я взял двенадцать воинов и поспешил с ними в подземелье дворца. Тюремщиков не было на месте, так как они все присоединились к сражению в тронном зале, блуждая по лабиринтам тюрьмы, мы не встречали сопротивления.

В каждом новом коридоре я выкрикивал имя Кантос Кана, и, наконец, был вознагражден слабым откликом. Идя на звук, мы вскоре нашли его, беспомощно сидевшего в темной норе.

Его радости не было границ, когда он увидел меня и узнал, что обозначала битва, смутные отголоски которой долетали до его камеры. Он рассказал мне, что воздушный патруль захватил его, прежде чем он успел достичь высокой башни дворца, он даже не видел Саб Тэзна.

Мы убедились, что нам не удастся перерезать сковывающие его прутья и цепи, и по его совету я вернулся наверх, чтобы снять с убитых тюремщиков ключи от замков его камеры и цепей.

К счастью, один из первых осмотренных трупов оказался трупом тюремщика, и вскоре Кантос Кан был с нами в тронном зале.

Грохот артиллерии, смешанный с криками и воплями, долетал до нас с городских улиц, и Тарс Таркас поспешил из зала руководить боем. Кантос Кан сопровождал его в качестве проводника, зеленые воины начали тщательный обыск дворца в поисках оставшихся воинов и добычи, а я остался наедине с Деей Торис.

Она опустила на один из золотых тронов и, когда я повернулся к ней, приветствовала меня слабой улыбкой.

- Был ли когда-либо подобный человек! - воскликнула она. - Я знаю, что Мусраб никогда не видел равного вам! Неужели таковы все люди на Земле? Один, чужой, гонимый, осыпаемый угрозами, преследуемый, вы за несколько месяцев достигли того, что мы не могли сделать на Мусрабе за все минувшие века, вы соединили вместе дикие орды высохших морей и повели их в бой, как союзников красного тарианского народа.

- Ответ на это прост, Дея Торис, - ответил я, улыбаясь. - Это сделал не я, а любовь - любовь к Дее Торис, сила, способная совершить еще большие чудеса.

Румянец окрасил ее лицо, и она ответила:

- Теперь вы можете говорить это, Алекс, и я могу слушать, ибо я свободна.

- И я скажу еще больше, прежде чем это будет поздно, - отозвался я. - В моей жизни было много странных поступков, на которые не осмелились бы более осторожные люди, но я никогда и во сне не мечтал завоевать себе такое создание, как вы, Дея Торис, так как никогда не подозревал о существовании где-то во вселенной принцессы Гелиума. Но вы, это вы, и это заставляет меня усомниться в моем здравом рассудке, когда я прошу вас, моя принцесса, быть моею!

- Не надо смущаться тому, кто прекрасно знает ответ, прежде чем он будет произнесен, - сказала она, вставая, и положила свои прелестные руки мне на плечи.

Я обнял и поцеловал ее. И среди города, полного борьбы и звона оружия, где смерть и разрушение пожинали обильную жатву, Дея Торис, принцесса Гелиума, верная дочь Тары, дала свое согласие Алексу из Крыма, человеку с Земли.

Немного позднее Тарс Таркас и Кантос Кан вернулись и сообщили, что Зоданга окончательно пала. Ее силы совершенно разбиты, часть взята в плен, и дальнейшего сопротивления внутри города ожидать не приходится. Правда, несколько боевых кораблей ускользнуло, зато тысячи других, как военных, так и коммерческих, находились под охраной таркских воинов.

Меньшие орды предались грабежу и дракам между собой, и поэтому было решено собрать сколько возможно воинов, снабдить как можно большее количество судов экипажами из

зодангских пленников, не теряя времени двинуться в Гелиум.

Через пять часов с ангаров двинулся флот из двухсот пятидесяти боевых судов, увозивших около ста тысяч зеленых воинов, а за ними – транспорты с нашими тотами. За собой мы оставили побежденный город, ставший добычей свирепых сорока тысяч зеленых воинов меньших орд. Они подожгли город, над которым поднимались столбы густого дыма, как бы для того, чтобы скрыть от глаз неба ужасное зрелище.

Вскоре после полудня мы увидели пурпурную и желтую башни Гелиума, и немного спустя сильный флот зодангских боевых кораблей поднялся из лагеря осаждавших город и полетел нам навстречу.

Флаги Гелиума были протянуты от носа до кормы на всех наших могучих кораблях, но зодангцам и не нужно было этого знака, чтобы понять, что мы враги, так как наши зеленые воины открыли по ним огонь, как только они отделились от поверхности. Со свойственной им безошибочностью прицела они поражали своими выстрелами приближавшийся флот. Обе части Гелиума, заметив, что мы союзники, прислали нам на помощь сотни своих кораблей, и тогда началась первая настоящая воздушная битва, в которой мне пришлось участвовать.

Корабли с нашими зелеными воинами кружили над сражавшимися флотами Гелиума и Зоданги, но их батареи были бесполезны в руках тарков, которые, не имея флота, не имели и навыка обращения с корабельной артиллерией. Однако их оружейно-револьверный огонь был весьма действенен и имел большое, если не решающее влияние на исход боя.

Вначале обе воздушные армии кружили примерно на одной высоте, ведя огонь из бортовых орудий. Огромная дыра образовалась в оболочке одного из гигантских кораблей зодангского флота. Качнувшись, он перевернулся вверх дном, и крошечные фигурки его экипажа, вертясь, корчась, извиваясь, полетели вниз с высоты пятисот метров. Сам же корабль с все возрастающей скоростью ринулся вслед за ними и почти совершенно погрузился в мягкую глину старинного морского дна.

Дикий крик восторга донесся с эскадры гелиумцев, и с удвоенной яростью бросились они на зодангский флот. Ловким маневром два гелиумских корабля взвились над противником и стали осыпать его настоящим градом снарядов из своих килевых батарей.

Затем остальные корабли Гелиума поднялись один за другим над зодангским флотом, и вскоре многие корабли осаждавших превратились в беспомощные обломки, которые летели вниз к высоким пурпурным башням главной части Гелиума. Другие обратились в бегство, но их быстро окружили тысячи крошечных одноместных аппаратов, и над каждым неприятельским кораблем повис гигантский корабль гелиумцев, готовый взять его на абордаж.

Не прошло и часу с того мгновения, как зодангский флот поднялся нам навстречу из осаждавшего город лагеря, как битва была уже окончена, и оставшиеся суда побежденных зодангцев были направлены к Гелиуму под управлением экипажей победителя.

Необычное трагическое зрелище представляла собой сдача этих могучих судов, так как старинный обычай требовал, чтобы сигналом о сдаче служил добровольный прыжок за борт командира побежденного судна. Один за другим эти храбрецы, держа свой вымпел высоко над головой, бросались с командных мостиков навстречу ужасной смерти.

И только, когда командир всего флота сам совершил роковой прыжок, обозначив этим сдачу остальных судов, окончилось сражение, и прекратилась бесполезная трата жизней отважных людей.

Мы дали флагманскому кораблю Гелиума сигнал приблизиться, и когда нас могли услышать, я крикнул, что у нас на борту принцесса Дея Торис, и что мы хотим пересадить ее на флагманский корабль, чтобы она могла быть немедленно доставлена в город.

Когда экипаж флагманского корабля вполне уяснил себе смысл сообщения, оттуда донесся долгий восторженный крик, и через минуту цвета принцессы Гелиума взвились повсюду на такелаже гелиумских кораблей. Когда другие экипажи эскадрильи поняли значение этого сигнала, они подхватили торжествующий крик и развернули в ярких лучах солнца свои цвета.

Флагманский корабль спустился к нам, плавно пошел бок обок, и десяток офицеров перескочили на нашу палубу. Когда их изумленный взгляд упал на сотни зеленых воинов, вышедших теперь из-за боевых прикрытий, они остолбенели, но увидев, направлявшегося им навстречу Кантос Кана, пошли вперед и обступили его.

Дея Торис и я тоже подошли к ним, они не сводили с нее глаз. Она любезно встретила подошедших, назвала по имени каждого, так как все они были люди, занимавшие высокое положение на службе у ее деда, и она хорошо их знала.

– Положите ваши руки на плечо Алексу, – сказала она, повернувшись в мою сторону, – человеку, которому Гелиум обязан своей принцессой и своей сегодняшней победой.

Все они отнеслись ко мне очень предупредительно и наговорили массу любезностей, но особенное впечатление произвело на них, по-видимому, то, что я сумел привлечь мрачных тарков для спасения Деи Торис и освобождение Гелиума.

– Вы больше обязаны не мне, а другому, – сказал я, – вот он, один из величайших воинов, и государственных людей Мусраба – Тарс Таркас, джеддак тарков.

С той же безукоризненной вежливостью, которую они выказали по отношению ко мне, приветствовали великого тарка, и к моему удивлению, он не намного уступал им в непринужденности манер и светском разговоре. Тарки не болтливая раса, но придают большое значение форме и часто поражают достоинством и изысканностью манер.

Дея Торис перешла на борт флагманского корабля и была очень огорчена, что я не последовал за ней.

Но я объяснил, что битва выиграна только частично: нам оставалось еще справиться с сухопутными силами осаждавших зодангцев, и я не хотел покидать Тарс Таркаса, пока и эта задача не будет решена.

Командир воздушных сил Гелиума обещал предпринять вылазку из города одновременно с нашей сухопутной атакой, и наши суда расстались. Дея Торис была с триумфом возвращена ко двору своего деда Тардос Морса, джеддака Гелиума.

На некотором расстоянии позади находился, во время нашей битвы, транспортный флот с тотами зеленых воинов. Предстояла трудная задача спустить животных без причальных станций, но нам ничего не оставалось делать, кроме как приняться за ее разрешение, и для этой цели мы отлетели километров на пять от города.

Необходимо было спустить животных на петлях, и эта работа заняла остаток дня и половину ночи. Мы были дважды атакованы отрядами зодангской кавалерии, но не понесли больших потерь, а когда стемнело, отряды скрылись.

Как только был выгружен последний тот, Тарс Таркас подал сигнал к наступлению, и мы тремя отрядами начали подкрадываться с севера, востока и запада к зодангскому лагерю. С дикими свирепыми криками, сопровождаемыми злобным ревом разъяренных тоттов, бросились мы на зодангцев.

Мы не застали их врасплох и встретили линию хорошо укрепленных окопов. Один за другим отбрасывали они нас, и к полудню я начал уже сомневаться в исходе сражения.

Численность зодангцев доходила до миллиона воинов, собранных от полюса до полюса, куда только достигали ленты их каналов. А против них сражались не более ста тысяч зеленых воинов. Войска Гелиума еще не прибыли, и мы не имели сообщений от них.

Ровно в полдень мы услышали орудийный огонь по линии между зодангцами и городами, поняли, что идет, наконец, так необходимое нам подкрепление.

Тарс Таркас снова отдал приказ наступать, и могучие тотты еще раз понесли своих страшных всадников на редуты врага.

В тот же миг гелиумцы атаковали противоположные брустверы зодангцев; еще немного и зодангцы были раздавлены, как между двумя жерновами. Они сражались храбро, но безрезультатно.

Битва превратилась в настоящую бойню, пока не сдался последний зодангский воин. В конце концов резня прекратилась; пленных отвели в Гелиум, а мы вошли через ворота в главный город огромным триумфальным шествием героев-победителей.

Широкие улицы были запружены женщинами и детьми и теми немногочисленными мужчинами, обязанности которых заставляли их оставаться в городе во время сражения. Нас встречали ликованием и засыпали золотыми украшениями, платиной, серебром и драгоценными камнями. Город обезумел от радости.

Мои мрачные тарки вызвали необычайное восхищение и энтузиазм. Никогда еще вооруженный отряд зеленых воинов не проходил через ворота Гелиума, и то, что они входили сюда как друзья и союзники, наполняло красных людей радостью.

Мои скромные услуги Дее Торис стали уже известны гелиумцам, как это доказывали крики в мою честь и горы украшений, которые нацепляли на меня и на моего тотта на нашем пути к дворцу. Несмотря на грозный вид Вулы, население толпилось вплотную вокруг меня. Когда мы приблизились к величественной башне, нас встретила группа офицеров, тепло приветствовавшая и просившая, чтобы Тарс Таркас и его джеды, с джеджаками и джедами его диких союзников, спешили и вошли во дворец, где их ожидал Тардос Морс, чтобы выразить свою благодарность за нашу услугу.

Наверху больших ступеней, ведущих к главному portalу дворца, стояла группа высоких особ, когда мы достигли нижних ступеней, кто-то отделился от нее и пошел нам навстречу. Это был прекрасный образец человеческой породы: высокий, прямой, как стрела, с прекрасно развитыми мускулами и величественной осанкой. Я сразу догадался, что это был сам Тардос Морс, джеджад Гелиума.

Первый, кого он встретил с нашей стороны, был Тарс Таркас, и его первые слова продолжили укреплять нарождающуюся дружбу обеих рас:

– Тардос Морс, – сказал он, – считает неоценимой для себя честью встречу с величайшим из

живущих воинов Мусраба, но гораздо большим благодеянием является то, что он может положить руку ему на плечо, как другу и союзнику.

– Джеддак Гелиума, – ответил Тарс Таркас, – человеку иного мира было дано научить зеленых воинов Мусраба чувству дружбы. Ему мы обязаны тем, что орды тарка могут понять вас, что они могут оценить столь великодушно выраженные чувства и ответить тем же.

Затем Тардос Морс поздоровался с каждым из зеленых джеддаков и джедов и дружески сказал каждому несколько признательных слов.

Приблизившись ко мне, он положил обе руки мне на плечи.

– Добро пожаловать, сын мой, – сказал он, – вам принадлежит по праву и без спора самая дорогая жемчужина в Гелиуме и на всем Мусрабе.

После этого мы были представлены Морсу Каяку, джеду меньшего Гелиума и отцу Деи Торис. Он шел вслед за Тардос Морсом и казался еще более взволнованным, чем его отец.

Он несколько раз пытался выразить свою благодарность, но голос отказывался ему служить и он не мог ничего произнести, а между тем, как я впоследствии узнал, он пользовался репутацией жестокого и бесстрашного бойца, выделявшегося даже среди воинственных народов Мусраба. Наравне с остальными гелиумцами он обожал свою дочь и не мог без глубокого волнения думать об избегнутых ею опасностях.

<http://tl.rulate.ru/book/23550/500599>